

Грязь

Когда он родился, мир уже имел свою правильную форму: грузные облака в поднебесье, расцветающая гематомой ночь и слетающий с катушек день. Все было едино и непостижимо, недостижимый огонек надежды в болоте постоянного счастья. Этот мир был простым, с самого начала он уже имел свою правильную форму, свое определенное очертание, зрачком свернувшееся в семнадцатом мгновении весны.

С самого первого дня ему дали крылья, чтобы покорять воздух, ему дали клюв, чтобы нести правду, но сейчас он, маленький утенок, смотрел на свою единственную любовь, глаза его плавилась от речного сияния, мечты разрушались и гнили, в душе было болото, помноженное на счастье. И то, что он чувствовал, словами человеческими не передать, никак это не выписать. Это была не любовь, не привязанность, не оголенное чувство тоски — это желание отдать свой последний вздох илистому дну, желание сломать свои крылья и похоронить их под кувшинками, светящимися пчелиным жалом среди безумия дня. Крохотный птенец, единица сущего, он всегда знал, что Свислочь (так ее звали люди) прекрасна в любом своем проявлении. И если бы только он мог в ней утонуть, если бы только она хоть раз открыла свои глаза и пустила бы свой ядовитый журчащий голос в его вены, воздух украли бы, утенок бы без раздумий бросился в объятия вечности. Но река не смотрела, у реки были важные дела — люди.

Стрелки часов никогда не останавливались, всегда бежали вперед. И Свислочь тоже всегда куда-то летела (и он летел за ней), всегда, исчезала где-то, и только сейчас, спрятавшись от людских глаз под веткой упавшей ракиты, птенец услышал это, услышал, как человеческий язык выплевывает свои грубые: «Похороним ее». Они говорили: «В ней какой-то секрет, в ней точно этот сундук, откроем его — узнаем, кто мы и зачем мы живем». И утенок слушал. Слова эти ножами под перья забирались, резали его по пунктиру. Люди шептали друг другу: «Люблю тебя, не могу жить без твоего вздоха». Но он, родившись в изначально совершенном мире, не знал, почему люди топят себя в других людях, если они все сотканы из мыслей и плоти. Утенок хотел бы закричать, хотел бы на уродливое «как только она умрет, как только последняя капля в ней иссякнет, мы узнаем, зачем так долго род человеческий существует» от безумия замахать своими крыльями и вызвать бурю на том краю мира, да такую бурю.

Он любил эту реку, потому что здесь он взял свое начало, здесь начался его дом, края у него не было. У людей были окончания, они их совали повсюду, носы свои длинные выдвигали и гнусавили: «Мерзкая, мерзкая речка, зачем ты такая чистая, зачем такая красивая». И каждый раз, когда птенец краем глаза замечал людские фигуры на высоком берегу, каждый раз,

когда они снова и снова резали воздух свистящими, бегали по облакам шипящими, всякий раз утенок думал: «Что же вы пытаетесь отыскать?» Но ответа не было, и Свислочь ответа не знала, она пела свои одинокие серенады самой себе, в сущность свою глядела и тоже думала: «Что во мне вы ищете? Что вы хотите найти? Отыскать свои ответы желаете? Я даже не знаю, кто вы».

И все было правильно-мерзким, все было отчаянно ярким. Река, как и раньше, текла по своим венам, смотрела на мир огромными голубыми безднами, кривила в улыбке рот. Шепотом нежным утенка убаюкивал ветер, в безумные ночи он все еще слышал «убьем, убьем, убьем ее», а однажды проснулся, проснулся и понял: небо обрушилось, упало прямо на него, раздавило его маленькое тельце и его безропотную кроткую любовь. Река под ним превратилась в грязь, глаза ее окрасились в карий – цвет всех сгоревших надежд.

«Вот ты и попалась в наши цепи, глупая, глупая речка, теперь не убежишь, в черную дыру не провалишься», - упали каменные слова на сердце птенца, чугуном его мысли по бетонной ванной разлились. И на глазах — стеклянных осколках печали Свислочь свернулась в ракушку и вытекла из зрачков вселенной, разбилась об алчность, стеной выросшей в людском мире грез. И птенец, сойдя с ума, под ракиту спрятался, а крылья его все жгло, прожигало, крылья болели, и глотка его искажалась в последнем вздохе – без реки он задыхался, в легких ничего не осталось – там расцвели нарциссы.

И люди, поцеловав кресты на своей груди, отправились в бездну, на дно спустились, покоряя разрушенные просторы вселенной. Свислочь, задыхаясь под куполом своих карих глаз, отчаянно кричала: «Не смотрите на мой скелет как на сокровище, вы продаете беду, словно счастье, подавитесь своими словами». Но никто не слушал. Люди шли к заветному дну, чтобы отыскать там ответ. И когда они дошли, когда ил руками разрыли, сундук достали и открыли его, то массово заорали, искривив волчьи губы в усмешке: «Ну кто же, ну кто же мы? Зачем мы живем?» И кто-то из смелых – амброзия неба – коснулся заветной красной книги, а та, выдохнув пылью и кровью утиной умывшись, ответила: «Убийцы». И в словах этих лики людей отразились, по границе Беларуси прошлись, а назад не вернулись. И только утенок, догорая от отчаяния, видел, что слова эти – зеркало застывших слез мира. Люди не хотели знать ответа, они хотели разрушать.

Хованская Александра, Лицей №2 г.Минска